

МЫ И МИР

Социально-экономические теории, которые со времён Возрождения всё в возрастающем объёме завладевали умами людей занимающихся обществом - как в понятийном плане, так и непосредственно им управляющих - последние лет 250 превратились в незыблемость, в первенстве которой не то, чтобы усомниться, но и сомневаться было грешно. И во всех случаях люди в целом с точки зрения экономики рассматривались большими массами, действовали "гуртом" и воспринимались как группы, классы, отряды, находящиеся в постоянной антагонистической войне "всех со всеми" за выживание (конъюнктурные союзы в такой борьбе - также тактический способ ведения боевых действий). И это было настолько убедительно показано, что и сторонникам и противникам этих теорий видится практически как нечто запущенное Создателем при сотворении мира и теперь случайно обнаруженное тикающим и показывающим верное время. При этом как мелкая незначительная недоработка смотрится то, что все это не могло учитывать конкретной роли (в том числе - индивидуальных различий, да и просто желания) отдельных личностей. Здесь они или просто не учитывались, или значение их предполагалось вторичными по отношению к групповым, классовым, конфессиональным или национальным интересам, что практиковалось и продолжает это делать всеми религиями и философскими системами. Строго говоря, для того, чтобы показать общие тенденции, роль и значение отдельного индивидуума не так уж важны. Для всех, кроме него самого, естественно.

Действие, как известно, вызывает противодействие. Посему, никогда не было недостатка и в социальных теориях на либеральной базе, прямо противоположно расставляющие акценты в этом споре общественного и личного. Примат последнего создавал вовсе неработоспособную модель общества (да его, кстати, в таком случае, строго говоря, и не было). Соллиптическая картина социума наличия общества не требует и не предполагает. Допускается их упоминание разве что как сцена для анархического проявления волюнтаризма самовыражающейся личности, совершенно не принимающей во внимание воли, желания, да, в конце концов, и просто существования других (столь же эгоцентричных в этих постулатах) существ, считаемых разумными. Так что в целом картина получалась не слишком радующая. Убедительности теориям не прибавляли не данные крайности, ни попытки их компиляции. Битва происходила вовсе не на том поле и не тем оружием, которое стоило того. Однако, "лицом к лицу лица не разглядишь": чтобы что-то понять нужно было посмотреть на все это со стороны, для чего попытаться немного отойти с прямой личностью - общество.

Мало что поменялось и после возникновение понятия информации, появления теории и становление ее, как величины, имеющей самостоятельную ценность, а не просто служебного приложения описательного характера для иных областей знаний. Элементы такого подхода существовали практически во всех философских школах, но, опять-таки, не более, чем как прикладные к различным проповедуемым теориям. Причем, это не то (точнее, не только то), что называли знаниями, умениями, опытом. Все это должно было объединиться, очиститься друг от друга, от своих создателей и носителей и стать воистину самоценной ценностью и всеобщим достоянием. Но и в этом случае долго действовало, не пересекаясь с пониманием социальных процессов.

Основы цельного взгляда на информацию в качестве самостоятельного объекта исследования были заложены Норбертом Винером при обосновании кибернетики, и в таком виде восприняты учеными, развивавшими это направление знаний в даль-

Дмитрий Александрович Боев

(В ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ "ДВИГАТЕЛЬ"
№ 6 2017 Г. "О ФИЗИКАХ И МАТЕМАТИКАХ"
№ 3 2019 Г. "ЗАЧЕМ НАМ ПОМНИТЬ ОШИБКИ"
№ 6 2019 Г. "УВИДЕТЬ И ПОНЯТЬ"
№ 1 2020 Г. "ОПЫТ, ОПЫТЫ И ГРАФИКИ"
№ 3 2020 Г. "ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ДВУМА МИРАМИ")
№ 4-6 2020 Г. "ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ЛЮДИ.
ЛЮДИ, В КОТОРЫХ ИГРАЮТ ИГРЫ"

нейшем. В России труды Винера были встречены (по крайней мере, официальной наукой) весьма неласково. Как не стыкующиеся с основной принятой классовой экономической концепцией. Информационный взгляд на человеческие взаимоотношения предполагает индивидуальную ценность отдельного человека как генератора, переработчика и передатчика этой информации. Иначе: он является одновременно и субъектом процесса (информационный обмен предполагает наличие как минимум передатчика и приемника информации, иначе - двух личностей - в приделе они могут быть сосредоточены и в одной, исполняющей обе указанные функции) и объектом его, поскольку именно им генерирован сам процесс. Обилие техницизмов в подходе к теме предопределило изначально весьма непродуктивный критиканский взгляд на возможность ее приложения к чему-либо, кроме чистой техники. И вот, кибернетика (подразумевающая, в том числе и некое моделирование социальных процессов) была сразу же принята в нашей стране официальной наукой советского времени в штыки. Стоит обратить внимание, что и в этом случае шараханье в крайности пользы не принесет: апологетику этого процесса оставляет сам процесс, абсолютизируя его и устраняя из рассмотрения объект, данным процессом описываемый. Кажется, эту болезнь мы в основном уже пережили. Хотя, если судить по современным философским трудам, всегда возможны рецидивы. А уж если обратить внимание на современное засилье трудов по искусственному интеллекту и цифровизации жизни - так вообще, похоже на вторую волну формализации, захлестывающую общественный мир.

Активный период горячих войн философских систем по большей части уже отгремел, неприятие друг друга перешло в позиционное состояние. Ныне большинство современных философских и экономических теорий приняли за данное, что прогресс человечества в любом его виде ни что иное, как стремление к выживанию вида (сохранение и приумножение за счет улучшения самого качества жизни). Отношение к этому процессу теоретиками высказывается самое разнообразное: от благословения и практически полного обожествления через попытку устроиться на его гребне, удержаться на нем и попытаться им немного поуправлять, вплоть до неприятия и отрицания его блага и для человечества в целом и для своей цельной личности в частности. Однако практически никто и нигде не объяснил и даже не дал более - менее удовлетворительную попытку объяснения того, "что сие", как и каким образом функционирует механизм этого "прогресса". Впрочем, в попытках этого действия недостатка не было, по справедливости сказать - попыток больше компиляторского свойства.

Каковы же силы, инициирующие его и что в этом случае, собственно говоря "движет солнце и стихии", (если всерьез не заикливаться на любви)? По делу, если только не заниматься подменной тезисов через умножение сущностей и не пытаться объяснить одно необъяснимое другим, отважусь заявить, что весь наш прогресс, в конечном счете, не что иное, как стремление увеличить количество добытой и функционирующей в обществе информации, а также глубину и качество ее "вторичной переработки". Возможность экстрагирования из бесчисленного количества взаимосвязей природных объектов и явлений некоторых, принятых как наиболее существенные, вообще - исключи-

тельное свойство всего живого. Для человека (как, кстати, и для любого живого существа), это - родовой признак, специализация, способ выживания. В силу физической природы мозга, разум оперирует абстрактными конечными картинками. Мир, однако же конкретен во всех своих бесконечных взаимосвязях всего со всем (иначе говоря, число абстракций из него по каждому объекту может быть бесконечным). Кроме того, все объекты и связи между ними существуют и изменяются во времени, а наша картина мира может претендовать на что-то только в отношении того момента, в который была получена. Отсюда, основная проблема выживания - максимальное совпадение по времени и пространству картины мира, собранной нами из таких абстрактных частей и реального конкретного мира. А этот процесс постоянно требует привлечения новой информации: как замечено выше, мир конкретен не только в пространстве, но и во времени, следовательно - постоянно изменчив. Раз так, то чем отдаленнее самая полная серия абстрактных картин мира от момента времени их получения, тем больше не совпадает с состоянием в котором этот мир находится к этому времени. При этом, мир "до тебя", в принципе, так же бесконечно далек от построенного с него образа, как и мир "после тебя". Не надо забывать только, что этот мир включает и самого тебя и каждого из нас как объект и сумму объектов и связей.

Мне уже приходилось в предыдущих статьях обосновывать, что то, что мы представляем, о чем думаем, с чем работаем, это - действительно абстракция. Не объекты реального мира, но более-менее полные (с нашей точки зрения) воспринятые как-то и когда-то состояния этих объектов и каких-то из их взаимосвязей в какой-то момент, или ряд моментов времени. Если быть последовательными, то даже и не "ряд состояний" или "картин мира", но - ряд наших представлений об этих состояниях и картинах, построенных разумом исходя из анализа ощущений, базирующегося на всем прошлом опыте индивидуума. Именно в этом смысл популярного среди философов утверждения о том, что "понять объект - это умертвить объект" (в этом нет элементов триллера, сие означает - лишить его возможности к дальнейшему изменению и развитию), абстрагировав его, прежде всего от времени, развязав время и свое восприятие объекта. Позная, мы постоянно дискретизируем связи объекта, его состояние и взаимодействие данного объекта с остальными и в таком виде оперируем с ними. Информация и есть результат такого абстрагирования. До данного процесса никакой "информации" в природе не существовало. Следует отметить, что такая новообразованная абстракция сама является объектом, связью и может передаваться от одного живого существа другому (не обязательно одного вида, не только от человека человеку), изменяться, накапливаться и компилироваться с другими. Она в состоянии применяться в процессе жизнедеятельности и к остальным объектам мира, изменяя их и мир в целом. И, как я уже тоже имел честь утверждать: эти процессы - основное и единственное отличие живого от неживого. Так что, не только "kogito, ergo sum", но и "perception, ergo sum", "movie..." и прочее в том же роде.

Вступить в информационный контакт с данным предметом или явлением: воспринять его органами чувств, либо пытаться как-то воздействовать, означает на самом деле построить для себя некий образ предмета сообразно с нашими знаниями о нем и его связях. Любая наша фантазия о каком-либо конкретном предмете или явлении есть уже план нашего поведения, или скорее - отношения, к этому объекту. И чем большей мы владеем информацией по этому вопросу, тем большей реальностью (т.е. совпадением с объектом и в пространстве и во времени - в исполнении его возможных функций) обладает данный план. То, что мы называем "планами" в обычной жизни есть просто развитие данного тезиса по отношению к предмету или явлению. Когда в разряд информации о явлении попадают еще и стимулы поведения (иначе, накладывается ранее полученная и обработанная информация, достраивающая положение объектов и ана-

лиз их состояния перспективой положения субъекта и желаемыми вариантами этих взаимоотношений), план из отношенческого становится поведенческим.

Однако, достоверность плана от этого скорее всего не изменится, то есть план не станет более реальным из-за того только, что появился стимул к его выполнению, воплощению. Иначе: из-за того, что мы захотели, чтобы нечто исполнилось, больше вероятность того, что так оно и будет, не стало (если только это желание не стало дополнительным стимулом для нас, это "нечто" исполняющих). Реальность плана зависит от полноты и сущности информации об объекте вообще и его связях в частности (причем как внешних, так и внутренних), а стимул здесь не более чем повод для сбора дополнительной информации. Полнота информации - вот что делает наши планы реальными. Любое наше мысленное построение относительно не только уже потому, что требует дополнительных проверок и идентификаций вследствие приблизительности, но в первую очередь из-за того, что вся информация, на фундаменте которой оно построено, абстрагирована из постоянно меняющегося конкретного мира и никоим образом ему целиком соответствовать не может.

Все формальные построения человека, даже те, которые кажутся 100% реалистичными, на самом деле - более или менее приближенные модели реальной действительности, с помощью которых человек пытается понять мир, действовать в этом мире, влиять на мир. Они что-то и имели общего с тем моментом жизни, который безвозвратно сгинул во времени и пространстве (а может быть и никогда не существовал), а в целом - являются компиляцией прошлого опыта человека и его фрагментарного воображения.

Проще: человек живет в реальном мире (конкретном), но действует (в смысле - строит поведенческую линию согласно своему "пониманию жизни") в мире абстрактном, измышленном. Иначе говоря: будучи производимыми в реальном конкретном мире, ход наших действий (а тем более - их результат) не вполне совпадет с той абстрактной картиной, которую мы выстраивали в своем мозгу при планировании этих действий, а иногда и совсем не совпадает. Реально наиболее существенные связи данного действия могут оказаться не самыми наполненными (важными) в процессе восприятия, а значит, воспринятый процесс будет неизбежно отличаться от реально происходящего. Планируя наши действия мы неизбежно опираемся только на те связи, из которых построена предполагаемая картина процесса (с учетом и тех, которые мы "присовокупили" к воспринятой картине, исходя из собственного опыта). На самом деле, никто не может поручиться, точнее, поручается всегда - с какой-то вероятностью (именно здесь и появляется та самая "вероятностность мира", о которой так много говорится и которая свойственна как раз не миру, но нашему восприятию) - в том, что выбраны именно наиболее влияющие на процесс связи и при оценке правильно расставлены приоритеты влияния различных факторов. При этом, чем выше уровень организации мозга, тем большее число связей может одновременно связывать рассматриваемые им объекты.

Я уже говорил ранее, что основное свойство всего живого - способность к целенаправленному выделению из общей массы природных явлений и связей между ними тех, что необходимы для себя. Частный случай, а возможно, исходная ступень этого явления - обмен веществ в любом организме и даже отдельной его части (клетке и любом ее элементе). Процесс вступления веществ в химические соединения друг с другом в природе весьма и весьма случаен, и только живое существо способно выделить из окружающего мира именно те вещества, которые необходимы для дальнейшей жизнедеятельности, не принимая во внимания прочие, несущественные в этом плане свойства этих веществ. Именно в этом кроется появление и отмечаемый философами примат наличия цели у живого. Такова первооснова процесса выделения информации. До появления живого информации не было, было лишь то, что существует и сейчас - связи между объектами приро-

ды - более или менее влияющие на эти объекты и меняющие их самих, их взаимное положение, их состояние.

Пожалуй, стоит заметить, что структура этих связей объектов в природе - полевая - гравитационная, электромагнитная разного рода, спиновая, а также и полей других типов, возможно пока нами не определяемых, но тем не менее - реально влияющих. Как все полевые структуры они не дискретизируемы. Наше же восприятие базируется на конечных объектных элементах. Оно дискретно по сути своей, и потому уже изначально не может целиком совпадать с объектом, на котором получено. В этом разница между живым и неживым, связями природы и получаемых с них и на их основе информации.

Конкретность природных объектов и связей бесконечна именно в силу того, что к неживому неприменима сама структурность системы "понятий", а, следовательно, не имеют смысла рассуждения о началах, началах и концах чего-либо. Как только мы переходим от конкретности полевой бесконечности природы к абстракции предметной конечности восприятия, появляются сами по себе понятия, и в первую очередь определенность понятий начала и конца. Бесконечность непрерывности исчезает и заменяется разложением её в дискретный ряд. При этом, для восприятия используется не вся бесконечная последовательность любого ряда, но большее или меньшее число членов этого ряда. Что и определяет его приблизительность по отношению к исходному явлению. Заметим, что совершенно закономерно с этой точки зрения оперирование совершенно аналогичными категориями при работе с любыми созданными человеком информационными системами. Интересно, что будучи элементами реального мира с точки зрения носителей информации, её передачи, систем модерирования, они одновременно несут вложенные нами черты нашего абстрагированного его понимания.

Целенаправленное выделение из общей массы природных явлений отдельных взаимосвязей и использование их в своей жизнедеятельности - наиболее универсальное отличие живого от неживого, и происходит это на всех уровнях деятельности - от клеточного химизма - до общественных и производственных отношений. С этой точки зрения, например, "прибавочная стоимость" марксистской теории не что иное, как имеющаяся у субъекта дополнительная информация, реализуемая в процессе труда и приложенная к объекту труда. Она повышает информационную, а, следовательно, и потребительскую (в конце концов, для производства это - одно и то же) ценность объекта. Точно так же - и в продолжение сказанного - деньги не есть овеществленный труд, но именно, овеществленная информация обо

всех элементах данного объекта труда: и о понятиях, связанных с ним, его изготовлением, движением, изменением.

Мы постоянно пытаемся "перетасовать" свое представление о мире на этот мир. И приписываем ему желаемые свойства, сообразные с нашим представлением о нем. На самом деле, мир не вероятностен, а бесконечен, непрерывен, конкретен и, как следствие этого всего, бесконечно разнообразен. Вероятностно наше представление о мире. Как я уже утверждал неоднократно выше и в предыдущих статьях. Мир сам по себе совершенно определен и конкретен: в нем каждое следствие совершенно однозначно имеет свою причину (чаще - множество причин). Любое событие, происходящее в мире строго, определённо и все имеет свои причины и следствия. Но только, мы практически никогда не знаем этих причин и следствий и чаще всего способны лишь воссоздать картину происходящего по ощущаемому его результату. Именно наше незнание связей объектов мира делает следствия случайными. До того, как все случится, можем лишь предполагать возможность развития ситуации, основываясь на своих представлениях о мире и знания субъектов и объектов происходящего. Так что случайность - невязка между миром и нашими знаниями о мире. В самом же мире в чистом виде нет не только "случайности" или "логичности" но и элементарной детерминированности, поскольку, прежде всего, понятие определенности жестко завязано на понятие времени, а ощущение его течения - категория также присущая лишь живому.

Мир начинается для нас именно там, где начинаются наши ощущения. Мы знаем лишь один этот, воспринятый нами мир. Мир внешний, окружающий нас неведом до тех пор, пока его взаимодействие с нашими органами чувств не сделает его частью нашего внутреннего мира, а значит - доступным нам. Случайность - никоим образом не есть некая "внешняя сила", влияющая на нас и нашу деятельность, но - наше незнание внешних сил, связей и их закономерностей при планировании и проведении этих действий. Чем меньше знаний - тем больше влияние "случайности". Вся теория вероятности - попытка учета невязок наших знаний и хода естественных процессов природы и (или) общества. Соответственно, чем меньше понимание того, что делаешь, тем более требуется веры в правильность выбранных действий. Вера и логика - две части одного процесса - существования человека в мире, определения своего места в этом существовании, планирования поведения, воплощения планов и оценки результатов. Посему: меньше понимания - больше веры и напротив, больше понимания реального положения вещей - меньше требуется веры в истинность избранного пути действий.

Вероятность, как и все квантуемое и дискретное - свойство разума, свойство живого. Квантуется оно не столько даже по пространственной шкале, сколько по шкале времени. При отсутствии живого теряет смысл понятие цели, а, следовательно, говорить что-либо о прогнозе, то есть о предположительной вероятности развития событий в достижении данной цели, также смысла нет. Только живое, оперирующее с абстрагированными и дискретными величинами (информацией), способно на прогноз, а значит - на ошибку. Причина всего этого одна: живя в конкретном мире, планируем свои действия мы в абстрактном, являющемся нашим собственным отражением этого мира. Эти миры могут быть бесконечно близки по каким-то параметрам, но они не способны совпасть. По той же причине, все созданные и создаваемые системы, сколько бы мы не именовали их "искусственным интеллектом" на самом деле не обладают свойствами интеллекта - брать какие бы то ни было из природных связей объектов и явлений, и создавать из них абстрактные дискретные картины. То, что им дано - не более, чем развитие того, что раньше уже было сделано человеком, их создателем - и продолжено или углублено, в зависимости от задачи, какую этот создатель перед своим творением поставил. ■

ДАБ 1980...2021©

